

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ДОНБАСС»

ЯЗЫКОМ ТАНЦА

Хотел ли он стать артистом балета? Нет. Он мечтал о сцене, но только как певец. Дом его родителей был наполнен музыкой: дедушка играл на флейте, а семейные предания гласят: отца и маму познакомила художественная самодеятельность и любовь к песне. Юра посещал хоровой кружок и по просьбе руководителя иногда наведывался в танцевальный, «подстраховывал» пары, если заболел партнер.

Профессиональный глаз преподавателя уловил незаурядные способности и музыкальность мальчика, его самоотдачу и влюбленность в искусство. Через месяц после знакомства с Надеждой Трофимовой Желенко Юра Мезеря стал учащимся Киевского хореографического училища. Юра стеснялся малышей — начинал с азов, будучи на два года старше всех, стремительно наверстывал упущенное. Он не был «везучим» — за время учебы у него поместилось одиннадцать педагогов, — но был настойчивым, а трудолюбие и сегодня отмечают постановщики как главенствующую черту его характера.

Выпускника училища Юрия Мезеря приглашали на работу в Киевский театр оперы и балета, а он уехал в свой родной город. Обаяние, подкупающая яркость внешних данных, эмоциональность молодого танцовщика обратили на себя внимание: Юрий стал ис-

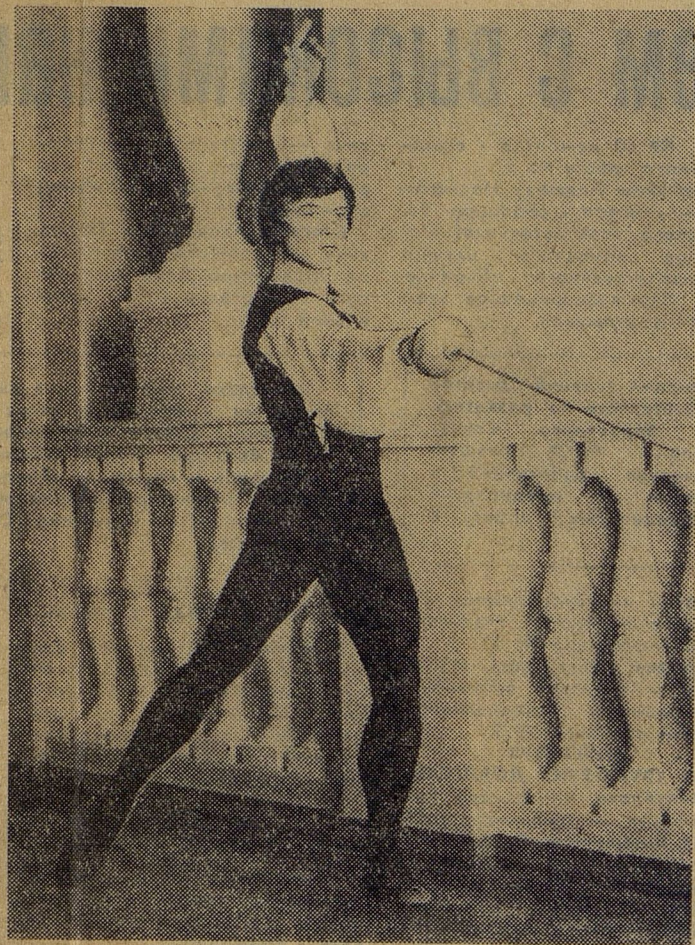
полнителем ведущих партий в балетах «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Сказки Венского леса», «Щелкунчик», «Бахчисарайский фонтан», «Антоний и Клеопатра», «Баядерка», «Дон Кихот», «Жизель», «Ромео и Джульетта», «Целина».

У Мезеря мужественная природа дарования. Он так и не приобрел внутренней грации в своих принцах — слишком очевидна в нем стремительность и пластика нашего века. В «Лебедином озере» Принц-Мезеря исполнен тайны, такой же неразгаданности, какая есть в заколдованных лебедях. Но душевная цельность, остро развитое чувство чести, верности делает этот образ близким, вводит в зону сопереживания, соучастия, сочувствия. Образом Антония Мезеря внес в сказочное очарование и безмятежность сказки мужество воина, трагический накал и безудержность страсти. Его герой показан не на поле битвы, но на празднике счастья. Он — личность, которая стремится обрести свободу, но теряет ее, обудать случайности жизни, но становится рабом этих случайностей. Образ, сотканный из противоречий, Мезеря лепит крупными мазками — победный прыжок, как возглас чувств, и штрихи осанки, исполненной гордости, величия, внутреннего достоинства. Мезеря умеет мгновенно останавливать динамику танца

кульминационной точкой, которая рождает ощущение ясности, скульптурной завершенности.

Постепенно юношеская пылкость уходит, уступая место духовности, смысловой наполненности. Его Ромео словно опережает время — сын средневековья, он целиком принадлежит эпохе Возрождения, которая ощущается в раскрепощенности танца, еще не упорядоченного строгими канонами классицистической эстетики. Танцевальный рисунок Ромео — экспрессивный, перебиваемый пластическими паузами. Юрий Мезеря — танцовщик выразительный, артистичный, не допускающий эффектации чувств, точно чувствует грань, отделяющую трагедию от мелодрамы, соизмеряющую высоту поступка и величие движения. Ему тесно в рамках некоторых своих героев. Поэтому актер с таким упоением говорит о новой работе — партии Квазимодо в балете «Собор Парижской богоматери», мечтает об Иване Грозном.

Переломной партией в своем творчестве Мезеря считает роль Романа из балета А. Рудянского «Целина». Роман — комсомолец — первоцелинник, сначала трусливо уходит от трудностей. Но постепенно, через сомнения и внутреннюю борьбу приходит он к пониманию истинных ценностей жизни, обретает веру в себя, осознает свое место на цели-

не. Четкий ритм, импульсивность танца ломают привычный рисунок канонических движений, создают впечатление то собранности, законченности, то внутренней изломанности, неустойчивости. Мезеря в этой партии со знанием мастера понимает цену детали, жеста, который может стать

утверждением и победно-го, и победителя.

Т. СОБОЛЕВА.

Заведующая литературной частью Донецкого академического театра оперы и балета.

Ю. МЕЗЕРЯ.

Фото П. Родионова.